

Глубокой ночью Фань Сюэпин внезапно очнулся от тяжелого сна. У изголовья кровати смутно вырисовывался темный силуэт. Сердце юноши испуганно екнуло: в первый миг ему показалось, что это Сыту Мин сумела пробраться мимо стражи, чтобы забрать его жизнь.

Незванный гость предостерегающе шикнул:

— Тсс. Своего же отца признать не можешь?

Фань Сюэпина захлестнула волна неистового облегчения. Перед ним стоял Хэ Чуншань! Только в последние дни юноша непрерывно ломал голову, как связаться с названным отцом, а тот явился сам.

— Отец! Как ты здесь оказался?

Хэ Чуншань тяжело, наболевше вздохнул:

— Сюэпин, мальчик мой... Натерпелся же ты горя.

Как оказалось, позорные слухи о Фань Сюэпине докатились уже до границ Демонических земель. Несколько дней назад Хэ Чуншань тайно покинул Демонические земли и, бродя по окрестностям, невольно подслушал разговоры вольных практиков. Весь мир заклинателей только и обсуждал последние новости: сын беглого главы некогда славной Школы Наполненных Созвездий заключил союз с Цуй Чжи, но их торжественная церемония превратилась в сущий балаган, выставив обоих на посмешище. Люди судачили о черной зависти и коварстве Фань Сюэпина, который якобы подбил приемного отца вырезать всю семью собственного дяди. Поговаривали и о том, как трусливо он вымаливал пощаду на коленях, когда Сыту Мин преследовала его за убийство духовного зверя ради драгоценной пилюли.

Слушая эти издевки, Хэ Чуншань едва сдерживал ярость. В его груди клокотал гнев, и он твердо вознамерился поквитаться с обидчиками сына. Испросив дозволения у Владыки Демонов, он под покровом ночи проник в лагерь клана Цуй.

Два одиноких изгоя, отринутых миром, принялись изливать друг другу душу. Слово за словом, и вот они уже плакали навзрыд, содрогаясь от бессильной жалости к себе. Ни один из них не мог взять в толк, как безупречно разыгранная партия обернулась столь сокрушительным крахом.

— Отец, — дрожащим от слез голосом заговорил Фань Сюэпин, цепляясь за его рукав. — Теперь у меня на всем белом свете не осталось никого, кроме тебя. Пожалуйста, отомсти за меня!

— Разве я не здесь, сын мой? — ласково ответил Хэ Чуншань.

Эти слова наконец уняли дрожь в груди юноши, который последние недели жил в постоянном

страхе, вздрагивая от каждого шороха. Избавившись от оцепенения, он яростно прошептал:

— Отец, тогда убей Сыту Мин! И дядю с тетей тоже прикончи!

С ненавистной Сыту Мин всё было ясно без слов, но поведение родственников ранило Фань Сюэпина еще глубже. После того как Хэ Сюэчжэнь увел его дядю и тетю, те, прознав о жажде мести со стороны семьи Сыту, примкнули к преследователям. Теперь они изо дня в день кружили возле лагеря Цуй, осыпая племянника проклятиями и громогласно расписывая его грехи на радость праздной толпе.

Хэ Чуншань на мгновение опешил. Прежде его названный сын никогда не изъяснялся со столь неприкрытой жестокостью. Гонения явно ожесточили его сердце.

Заметив замешательство отца, Фань Сюэпин недовольно насупился:

— О чем ты задумался? Эта девка извела меня, лишила всякого покоя! Моя утерянная сила, мой разрушенный рубеж культивации — всё это её вина!

— Гнев твой понятен, но пойми и меня, — терпеливо вздохнул Хэ Чуншань. — На меня объявлена охота по всем Срединным землям. Стоит мне напасть на наследницу столь влиятельного клана, и моя голова окажется на плахе. Я не могу так глупо выдать себя.

Взгляд Фань Сюэпина мгновенно заледенел. В душе он ядовито выругал названного отца за трусость и эгоизм.

Хэ Чуншань, внимательно следивший за мимикой сына, уловил эту перемену, и по его спине пробежал неприятный холодок. В этот миг мужчина с ужасом осознал: возможно, он слепо заблуждался не только насчет Хэ Сюэчжэня. Собственного любимца, ради которого он пошел на столькие преступления, он тоже никогда толком не знал.

Поддав тяжелое предчувствие, Хэ Чуншань попытался сгладить неловкость:

— Послушай, Сюэпин. Этот выскочка Цуй Чжи притягивает к себе слишком много бед, он не сможет оберегать тебя вечно. Но я не оставлю тебя. Мои тренировки под началом Владыки Демонов принесли щедрые плоды, моя духовная сила возросла. Великий мастер обучил меня тайным техникам. Хочешь, я передам эти знания тебе?

Тем временем набеги клана Сыту не прекращались. Меч Цуй Чжи забирал всё новые жизни, затягивая узел кровной мести так туго, что старейшины его собственной семьи взвыли от бесконечных схваток. В конце концов, когда Фань Сюэпин обмолвился, что у его супруга в Бездне Спокойных Вод сокрыта тайная обитель, старейшины принялись умолять главу

немедленно укрыться там.

Цуй Чжи согласился увести людей в Бездну Спокойных Вод. Однако на полпути враги признали об их замысле и бросились в погоню. Дорога превратилась в нескончаемую, изнурительную резню, пока израненный отряд наконец не замер у самого края зловещей бездны.

Бездна Спокойных Вод дышала вековой мглой и таила в себе тысячи невидимых ловушек. Лишь благодаря выдающемуся дару и вековому опыту прошлой жизни Цуй Чжи сумел досконально изучить изменчивую природу этой бездны. Обычный заклинатель, рискнувший ступить под её своды без проводника, обрекал себя на неминуемую и страшную гибель.

Преследователи прекрасно понимали, какая опасность им грозит, и не могли позволить беглецам скрыться во тьме ущелий. Окажись те внутри — и их можно было отслеживать годами, а держать осаду у входа вечно у клана Сыту не хватило бы сил.

Старейшины клана Сыту объединили свои духовные силы, намереваясь одним сокрушительным ударом оборвать жизнь Цуй Чжи. Сражение вспыхнуло с новой силой, земля содрогалась от вспышек заклинаний, как вдруг небосвод прочертила яркая комета. Спустя миг у края обрыва со свистом опустился сам Сыту Хэншань.

Цуй Чжи призвал Стеклянного Золотого Льва. Свирепый рык мифического зверя прокатился над скалами, отбросив старейшин вражеского клана на добрый десяток чжанов. Заклинатель взмыл в воздух, оседлав сверкающую спину хищника, готовый растерзать уцелевших, но в этот миг Сыту Хэншань обрушил на него мощный поток духовной энергии. Отразив удар, Цуй Чжи отступил.

Сквозь пелену безумия, застилавшую взор, он заметил силуэт человека, стоявшего по правую руку от Сыту Хэншаня. Тот был облачен в простые одежды с широкими рукавами, развевающимися на ветру.

Движения Цуй Чжи неуверенно замедлились. В затуманенных глазах промелькнуло щемящее недоумение.

— Сюэчжэнь?.. — сорвалось с его губ.

Искажение ци по-прежнему терзало разум заклинателя, дробя сознание на осколки. Он то мучился от воспоминаний о том, как жестоко Хэ Сюэчжэнь отверг его чувства, то проваливался в спасительный бред, веря, будто они всё ещё находятся в прошлой жизни, где Сюэчжэнь был его преданным супругом.

Пальцы Цуй Чжи судорожно скользнули в складки рукава. Там лежала шпилька, заботливо вырезанная им из Лозы Цветущей Весны. Какое-то иррациональное, детское убеждение шептало ему, что стоит преподнести это украшение возлюбленному, и тот без лишних слов

последует за ним в глубины Бездны Спокойных Вод.

Он устремил лихорадочный взор на прическу стоявшего поодаль юноши, но тут же замер. В темных волосах Хэ Сюэчжэня уже покоилась изящная нефритовая заколка.

«Нет... Это неправильно! Не должно быть так! У него уже есть шпилька... Куда же тогда мне деть свою?»

Его лоб прорезала глубокая складка, а виски сдавило такой нестерпимой болью, словно череп раскалывался изнутри.

Враги мгновенно почуяли слабость противника. В мире заклинателей подобные заминки не прощали — пришло время нанести смертельный удар. Золотой лев, защищая хозяина, яростно зарычал, принимая на себя яростные атаки старейшин, пока уцелевшие слуги семьи Цуй живым щитом заслоняли своего господина.

В этой кутерьме лишь Фань Сюэпин оставался безучастным. Стараясь не привлекать внимания, он шаг за шагом пятился к обрыву, надеясь затеряться во мгле Бездны Спокойных Вод.

Сыту Мин ни на миг не упускала негодя из виду. Заметив маневр, она коршуном бросилась наперерез, ловко уклоняясь от летящих заклинаний.

Тем временем Хэ Сюэчжэнь, медленно парящий в небе на своем мече, хладнокровно взирал на хаос внизу. Интуиция подсказывала ему: когда Фань Сюэпин окажется на краю гибели, Хэ Чуншань не выдержит и выдаст себя.

Юноша не зря согласился сопровождать главу клана Сыту. Его единственной целью было выследить беглого патриарха клана Снежных Волков и раз и навсегда оборвать нить его преступлений.

Разум Цуй Чжи окончательно помутился, лишая его возможности сражаться в полную силу. И хотя верные защитники отчаянно сдерживали натиск, против грозного Сыту Хэншаня они были бессильны. Перевес нападающих становился подавляющим. Не будь рядом верного Стеклянного Золотого Льва, Цуй Чжи давно бы расстался с жизнью.

Фань Сюэпину так и не удалось совершить свой побег. Сыту Мин настигла его у самого края, грубо скрутила и швырнула на вытопанную землю в центре поля боя.

При виде этого защитники и нападающие медленно расступились, прекратив резню. Один из старейшин семьи Цуй, утирая пот с окровавленного лица, с нескрываемым отвращением посмотрел на распростертого юношу. Мужчина втайне надеялся, что Сыту Мин прикончит мерзавца прямо сейчас. В конце концов, именно из-за него их семья оказалась на грани истребления. Фань Сюэпин приносил лишь несчастья, будучи самым настоящим проклятием

для всех, кто имел глупость с ним связаться.

Сыту Хэншань понимал, что загнанный в угол Цуй Чжи больше не представляет угрозы. Заклинатель поднял руку, приказывая своим людям замереть. Он, как и Хэ Сюэчжэнь, рассчитывал использовать Фань Сюэпина в качестве приманки для Хэ Чуншаня.

Пленник, уткнувшись лицом в дорожную пыль, лишь злобно оскалился:

— Размечтались! Убейте меня, ну же!

Сыту Мин с силой наступила ему на спину, заставив хрипеть от боли, и протянула с издевкой:

— Надо же, какая спесь, Фань Сюэпин. Помнится, совсем недавно ты пресмыкался передо мной, расшибая лоб в кровь ради жалкой капли милосердия. Сделай это снова, и, возможно, я передумаю лишать тебя жизни.

Юноша не проронил ни звука, лишь упрямо сжал зубы. Сыту Мин злорадно усмехнулась:

— Ого, откуда только храбрость взялась? Ну что ж, тогда не обессудь. Я избавлю тебя от мучений!

С этими словами её ладонь, окутанная сиянием духовной энергии, обрушилась на его грудь. Послышался глухой хруст костей. Фань Сюэпин содрогнулся, выплюнул струю темной крови и затих, перестав дышать.

В то же самое время в тени массивного валуна, скрытый от чужих глаз благодаря технике Марионетки-Двойника, настоящий Фань Сюэпин судорожно перевел дух. Все его тело пронзила невыносимая слабость, но юноша понимал, что это неизбежная плата за спасительное заклинание. Накатившее бессилие пугало, но разум шептал, что худшее позади.

«Всё кончено... Теперь они верят, что я мертв»

В свое время тетюшка подробно объясняла ему тонкости этого тайного мастерства. Облик куклы в точности повторял оригинал, и отличить обман было невозможно. После призыва марионетки заклинитель получал невидимость ровно на время горения одной палочки благовоний. Любое движение мгновенно разрушило бы покров скрытности, так что сейчас требовалось лишь лежать смирно и восстанавливать силы.

«Пусть эти глупцы празднуют победу, — ликовал Фань Сюэпин в глубине души. — Я выберусь отсюда, сменю имя, перепишу свою судьбу с чистого листа. Всё это безумие наконец-то позади!»

Радость едва не заставила его рассмеяться вслух. Но в этот момент его взгляд скользнул по фигурам, протискивающимся сквозь толпу преследователей. Сердце испуганно пропустило удар: это были его дядя и тетя.

— Фань Сюэпин жив! Он обманул вас! — звонкий голос тетки эхом разнесся над ущельем.

Десятки взглядов мгновенно скрестились на женщине. Фань Сюэпин почувствовал, как кровь стынет в жилах, а в ушах начинает набатом стучать собственный пульс. Лицо его исказилось от ужаса.

«Прекрати... Молчи, тварь! Не смей!»

Однако тетка, не зная жалости, продолжала выкрикивать правду:

— Он применил Марионетку-Двойника! Труп, который лежит перед вами, — всего лишь безжизненная оболочка!

Сыту Мин нахмурилась. Не веря своим ушам, она склонилась над телом, грубо приподнимая его за шиворот:

— Быть не может... Но ведь это лицо, эти меридианы... Всё указывает на то, что это он!

— Эта техника копирует человека до мельчайших деталей, обычным взглядом подмену не распознать, — холодно пояснила тетка. — Думаете, как нам самим в свое время удалось спастись от кровожадного Хэ Чуншаня? Наш драгоценный племянник все еще здесь, среди нас. Он скрыт невидимостью, но стоит благовонию догореть, и покров спадет сам собой.

Фань Сюэпин смотрел на нее широко распахнутыми, полными безумного отчаяния глазами. В этот страшный миг он наконец-то сполна вкусил горькие плоды собственных злодеяний. Если бы он в своей слепой ярости не пытался хладнокровно вырезать всю их семью, те, кто когда-то искренне оберегал его, никогда бы не повернули против него оружие.

Воспользовавшись паузой, вперед выступил один из старейшин семьи Цуй:

— Почтенные господа! Как видите, виновником всех несчастий и раздора является исключительно этот негодяй. Если вы желаете забрать его жизнь, наш клан не станет препятствовать правосудию. Быть может, пришло время опустить мечи и забыть былые распри? К чему нам множить бессмысленное кровопролитие?

Сыту Хэншань лишь презрительно хмыкнул в ответ:

— Полноте. По вине вашего безумного главы мы потеряли трех почтенных старейшин и

десятки одаренных учеников. Таковую кровь невозможно смыть простыми речами. Если ваша семья действительно желает мира, докажите это делом. Иначе как я смогу смотреть в глаза своим сородичам?

— Какого же искупления вы требуете? — нахмурился старейшина Цуй.

— Отдайте нам Стеклянного Золотого Льва и Лозу Цветущей Весны, — твердо произнес предводитель нападающих.

Сыту Хэншань уже знал от дочери, что их сородич Сыту Цзяшань погиб именно из-за попытки завладеть редкой лозой. Разве мог он упустить шанс прибрать к рукам столь легендарное сокровище?

Цуй Чжи, пребывавший в полузабытии под защитой своего духовного зверя, уловил эти слова. Его помутившийся разум зацепился за знакомое название, и он хрипло пробормотал:

— Лоза Цветущей Весны?.. Нет, она принадлежит моему спутнику на пути Дао. Никто из вас не посмеет коснуться её.

При виде этой слепой, граничащей с безумием преданности Фань Сюэпину Хэ Сюэчжэнь лишь равнодушно покачал головой. Зато томящаяся в Печати Истребления Демонов Линьшуй пришла в неопишное неистовство. Птица отчаянно билась о невидимые оковы, требуя свободы.

Отойдя немного в сторону, подальше от посторонних глаз, Хэ Сюэчжэнь ослабил печать и выпустил дух воробьиного демона наружу.

— И какую еще глупость ты задумала сотворить? — устало спросил он.

— Я должна... Я просто обязана вправить мозги этому жалкому болвану! — яростно заверещала Линьшуй, с шумом захлопав крыльями.

Птица стремительной стрелой сорвалась с места, устремляясь к дерущимся заклинателям. Хэ Сюэчжэнь лишь молча последовал за ней, не ускоряя шага.

Как раз в этот момент время действия маскировки истекло. В тихом, неприметном углу позади уцелевших воинов клана Цуй из воздуха соткалась фигура Фань Сюэпина. Зрелище внезапно материализовавшегося человека заставило многих изумленно ахнуть. Не теряя ни секунды, юноша бросился наутек, но Сыту Мин коршуном ринулась следом, не намереваясь упускать добычу во второй раз.

В затуманенном взоре Цуй Чжи промелькнула искра решимости. Одним резким движением он переместился вперед, заслоняя беглеца собственной спиной:

— Я уже говорил. Пока я жив, никто не посмеет причинить ему вред.

В этот момент прямо над полем боя пронесся яростный крик Линьей:

— До чего же ты глуп! Ну и дурак же ты, Цуй Чжи! Настоящий, непроходимый кретин!

При виде воробьиного демона Фань Сюэпин яростно заскрежетал зубами. Он уже пытался выведать тайны этой птицы и даже предупреждал Хэ Сюэчжэнь о ее странностях, но ни один из них так и не смог разгадать природу этого существа. Ее внезапное появление не сулило юноше ничего хорошего.

Цуй Чжи недовольно сощурился, его голос так и обдал холодом:

— Если не хочешь, чтобы я развеял твою душу по ветру, немедленно проси прощения.

Линьей лишь презрительно рассмеялась, ничуть не испугавшись угрозы:

— Извиняться перед тобой? Как бы не так! Это ты должен до земли поклониться мне в знак благодарности! Цуй Чжи, ты, слепой слепец, Фань Сюэпин никогда пальцем не пошевелил, чтобы спасти твою шкуру! Тем, кто вытащил тебя с того света, был Хэ Сюэчжэнь! Тебя водили за нос, как последнего простофилю, а ты готов отдать все сокровища мира своему палачу! Твоя глупость воистину не знает границ!

Фань Сюэпин ощутимо вздрогнул, его лицо мгновенно утратило последние остатки красок. Цуй Чжи застыл, словно пораженный молнией. Хэ Сюэчжэнь, только что подошедший ближе, тоже невольно замер, удивленный столь неожиданным откровением.

Присутствующие заклинатели притихли, заворуженно ловя каждое слово. Всем не терпелось узнать, сколько еще гнусностей совершил этот трусливый юноша и решится ли Цуй Чжи защищать его после такой сокрушительной правды.

Линьей, упиваясь триумфом, продолжала вещать во всеуслышание:

— Ты все эти годы свято верил, будто три года назад Фань Сюэпин спас тебя от неминуемой смерти. Какая нелепость! Твой ненаглядный лишь увязался следом за Хэ Сюэчжэнем, когда тот спускался с горы. Именно Сюэчжэнь, рискуя собственной жизнью, вырвал тебя из когтей демонов, пока ты валялся без сознания и ничего не соображал. Демоны наступали на пятки, и Хэ Сюэчжэнь, оставив тебя на попечение Фань Сюэпина, бросился отвлекать погоню на себя. А когда ты очнулся и увидел перед собой этого бесстыжего лжеца, то сразу спросил, обязан ли ему жизнью. Ну а этот негодяй, никогда не упускавший шанса присвоить чужие заслуги, без зазрения совести соврал тебе в лицо!

Каждое слово птицы падало на израненную душу Цуй Чжи подобно ударам тяжелого молота.

Иллюзорный замок из ложных воспоминаний и надежд, который он так долго выстраивал в своем сознании, рухнул в одно мгновение, разлетевшись в пыль. Разум очистился от ядовитого тумана искажения духовных сил, вернув ему пугающую, абсолютную трезвость.

Но в эту секунду Цуй Чжи с ужасом осознал: лучше бы он навсегда остался безумцем. Сумасшедший не мучился бы сомнениями и расчетами. Он мог бы просто, повинаясь первобытному инстинкту, защищать того, кто действительно заслуживал его любви, вместо того чтобы тратить годы на слепое поклонение фальшивке ради пресловутого долга благодарности!

Он медленно обернулся и мертвой хваткой вцепился в плечо испуганного Фань Сюэпина. В его налитых кровью глазах плескалась бездонная ярость, но голос прозвучал пугающе, неестественно спокойно:

— То, что она сказала... Это правда?

Фань Сюэпин, задыхаясь от ужаса под тяжелым взглядом, хрипло закричал:

— Ложь! Всё это гнусная ложь! Разве можно верить словам презренного демона?!

Вот только эту фразу он повторял слишком часто, и ложь его слишком много раз выходила наружу. И пусть у Линьюй не было неопровержимых доказательств, её простых слов оказалось достаточно — теперь даже зачинатели праведных орденов предпочли поверить демонической птице, нежели жалкому лжецу.

<http://bllate.org/book/18268/1750911>